

последние, очевидно, могли влиять на сложение особенностей древнерусской живописи.

В службе Преображения встречаются следующие определения фаворского света: «воскресения светлость», «истинное отческого существа сияние», «божества малая заря», «свет неприступный», «огнь невестествен», «неизреченный» (свет), «свет Отца и Духа», (свет) «солнце светле». В службе в неделю Православия говорится об «умном свете». Встречается характерное выражение «свет немерцающий». Эти разнообразные определения обстоятельно раскрываются как явление «началообразный доброты благолепия, и то не все совершенно: ... но яко можаху вмещати телесныма очима стерпяще», как зрение «невидимого зрака» и т. д. Понятие света соединяется с понятием «благодати», которая «световидна» (неделя Православия). Возможность созерцания этого света раскрывает Иоанн Дамаскин в каноне Преображению в таком образе: «Яко каменным телом покрыв ся, видением невидимаго зря Моисей боговидец».⁵² Приведенные определения света противопоставляются понятию «очерневшего естества» Адама, т. е. реальной данности. Исхождение света от Христа определяется как «светолитие» — термин, который может хорошо выразить художественную природу пробелов.

Все эти разнообразные характеристики, дающие возможность разнообразных цветовых символических решений, не интересуют Владимирова, поскольку они уже не укладываются в его художественную систему. Как мы видим, он ищет красоту именно в том, что считалось «очерневшим естеством». Эти взгляды Владимирова обогнали эпоху по крайней мере на полстолетия. Связь с художественными традициями старины приобретает у него лишь формальный характер. Но значение канона еще было столь велико, что в своем непосредственном художественном творчестве он гораздо менее радикален, чем в теории. Произведение Владимирова «Сошествие святого духа» показывает, что на практике новшества касались в основном изменения иконографических деталей, достижения натуралистических цветовых эффектов (в изображении сияния святого духа) и очень скромных попыток передачи реального пространства. Икона имеет и надпись, но она дана почти незаметно, где-то в углу. Кажется, что художник стеснялся показать ее. О связи с традициями свидетельствует также и упоминание в трактате изображений по принципу «продолженного действия» (см. описание мученических образов на л. 67 об.). Основные достижения «живоподобия» в духе требований Владимирова относятся уже к творчеству мастеров конца XVII в., прошедших ушаковскую школу.

Увлечение «живоподобием» было так велико и принимало подчас столь крайние формы, что против него выступали не только консервативные, но и вполне ортодоксальные круги. Очень интересную картину споров о живописи в московских кругах рисует Симеон Полоцкий. В «Беседе о почитании икон святых» он пишет: «... на некоей беседе мужие неции благочестия слово знающии и поборници того являющиися, не вем коим духом возбуждении, начаша о чести святых икон разглагольствовати и то утвердительно повествовати, яко точию тыя токмо образы подобает почитати, иже совершенно живоподобни суть первообразным. Не имущия же живоподобия совершеннаго, отметати. Именно же слово их течаше о образех Христа господа и Спаса нашего, глаголаша бо, яко аще кий образ Христов несть таков изображениемъ, каков Христос господь плотию бяше, не почитаем того.

⁵² Цитируется по дониконовскому тексту. В исправленных Никоном книгах вместо «видением» стоит «обожением», что существенно меняет смысл.